

УДК 316

Тимошкин Д. О., Пчелкина Д. С.

Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярска

Введение: пространственная маргинальность и городская семиотика

Маргинальность, как ни парадоксально, является нормой для крупных человеческих поселений, хотя бы в силу их постоянной изменчивости [11], входящей и исходящей миграции. Город, сложная социально-пространственная структура [15], не меняется как единое целое [25]. Трансформации в разной степени затрагивают различные городские районы, хотя бы в силу серьезных отличий в их пространственной организации.

Территории, которые из-за своей специфики меняются быстрее остальных и, как следствие, выпадают из контекста остального города, рассматриваются здесь как проявление пространственной маргинальности. По аналогии с социальной маргинальностью, переходным состоянием между разными социальными категориями, маргинальные пространства оказываются на границе между разными состояниями городской среды, между различными коллективными и индивидуальными проектами ее прошлого и будущего [5; 21; 29; 39].

В пример "пространственной маргинальности" можно привести "частный сектор", районы, подпадающие под программы развития застроенных территорий, памятники архитектуры, стоящие на дорогой земле в центральных районах. Все эти территории упоминаются в городских нарративах в связи с многочисленными конфликтами за "право на город", их объединяет отсутствие единой мемориальной конвенции, определяющей связанные с ними смыслы и функции. Если смотреть на город как на сложную семиотическую систему, в которой функции и облик материальных объектов определяется коллективной договоренностью относительно связанных с ними смыслов, то пространственная маргинальность будет аналогом "пустого знака" в коммуникации. Различные социальные акторы будут связывать разные значения с одной и той же территорией или одним и тем же зданием, конкуренция проектов, воспоминаний и смыслов будет воплощаться в постоянных конфликтах за "право на город" [39].

Отсутствие смысловой коллективной конвенции может в равной степени воплощаться как на пространственной структуре территории, так и на ее репрезентациях в городских нарративах – публичных высказываниях и интервью горожан. Пространственная маргинальность в этом случае будет означать "пограничное" состояние территории между разными проектами прошлого, будущего, разными "образами города". Как мы можем увидеть на примере Москвы [1], Иркутска [31] и Красноярска [30], еще одним признаком пространственной маргинальности может быть изменчивость территории по сравнению с другими городскими пространствами.

© Тимошкин Д. О., Пчелкина Д. С., 2020

ТИМОШКИН Дмитрий Олегович, канд. социол. наук, научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского Государственного Университета (г. Иркутск), старший преподаватель кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: dmttim@gmail.com

ПЧЕЛКИНА Дарья Сергеевна, аспирант кафедры культурологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: pchelkina.ml@mail.ru

Цель исследования заключалась в том, чтобы определить специфические визуальные маркеры "маргинальных" городских пространств, на примере Красноярска. Для этого предполагалось, основываясь на результатах серии полужоформализованных интервью с жителями, выделить ряд территорий, подходящих под категорию пространственной маргинальности, и провести там наблюдения.

Фокус на визуальной составляющей обусловлен значимостью зрительных образов во взаимодействии человека и места [16]. Интерпретируя визуальные образы, человек фактически читает город, определяя содержание и функции места, выбирая, как ему действовать. Важнейшую роль при этом играет архитектура, определяющая пространственную структуру места. "Язык архитектуры" основывается на типе конструкции сооружений, масштабе здания и объектов, особенностях художественного оформления. Попадая в незнакомое пространство, человек анализирует его, основываясь на главных физических ориентирах: сторонах света, собственном положении в пространстве, выделяя знакомые формы, связанные с определенным набором эмоциональных и социальных контекстов. Так из материальности, как рукотворной, так и естественной, рождается набор субъективных интерпретаций, основываясь на которых, осуществляется выбор тактики взаимодействия с местом.

Архитектура, подобно театральным декорациям, задает границы спектра интерпретаций места, очерчивает круг возможных значений, которые человек может с ним связать, позволяя читать городское пространство. Вопросы "Почему сооружение X так выглядит?", "Что оно для меня значит?", "Какие эмоции и ощущения вызывает?" и т.п. приводит к дифференциации пространств в зависимости от того, как их можно использовать и какие чувства они вызывают. Так, в сочетании материальности и множества ее субъективных прочтений рождается "образ города" во всем многообразии составляющих его уникальных мест

Восприятие архитектурных объектов многомерно: считываются цвета, особенности конструкции, контекст, в который помещены объекты, их соотношение с окружающей застройкой и окружающей средой. В этот процесс вмещивается множество переменных: утро и вечер, характер освещения, задымление, новизна построек, близость дорог – все это влияет на возможности и результаты считывания среды, на ясность восприятия, легкость ориентации и даже на субъективное ощущение защищенности.

Направления семиотико-герменевтической интерпретации архитектуры, "чтение города" [4] и "архитектурная герменевтика" [13; 19] рассматривают место как совокупность знаков и символов, выраженных в пространственных формах, которые вызывают ассоциации с разными социальными смыслами. Гармоничность, чувство цельного, простота форм, непрерывность, пропорциональность, использование доминант, ясность соединения [24] – всё это является в архитектурной герменевтике знаками, которые, как предполагается, в одинаковой степени доступны наблюдателю.

Познание города становится возможным во многом благодаря этим стереотипным построениям: идеальные образы "города будущего", "города прошлого", "городского центра" или "торгового квартала", существуя одновременно в головах архитекторов и наблюдателей, находят свои воплощения в зданиях и инфраструктуре, делая их принципиально читаемыми. Складываясь во "фразы", здания, архитектурные ансамбли, связки архитектуры и окружающей среды позволяют наблюдателю ориентироваться в пространстве и понимать, как "здесь" нужно повести себя [16].

"Чтение" схем реальности, заложенных в городских территориях пространственных и временных координат, становится ключевым механизмом при исследовании человеком города. Объект соотносится с функцией, причисляется к определенной категории, в результате чего появляется связка: пространство – функция – действие. Визуальное восприятие является одним из важнейших компонентов этого процесса [7, с. 83], ведь именно зрение в первую очередь позволяет читать заложенные в единстве архитектуры и "естественного" пространства смыслы [12]. Таким образом, рассуждать о "пространстве маргинальности", не принимая во внимание визуальную составляющую, весьма сложно.

Анализируя результаты наблюдений, мы обратимся к понятию хронотопа, ключевого в семиотике, подразумевая под этим пространственные и временные координаты, которые, соединяясь в сознании наблюдателя, приобредают социальный смысл [38]. Мы будем фиксировать элементы историко-бытийного и профанного хронотопов, наблюдая за объектами, находящимися в пределах обозначенных респондентами территорий. Это позволит выделить ряд визуальных маркеров, определяющих специфическое восприятие исследуемых территорий.

Бытийный хронотоп позволяет увидеть в городском пространстве следы и признаки, связывающие объект с определенным фрагментом "холодной", коллективной памяти. Профанный хронотоп – еще более субъективная категория, подразумевающая восприятие объекта здесь и сейчас, понимание его текущего состояния и функций. Иными словами, бытийный хронотоп является хронологией изменений места как совокупности социальных и пространственных категорий, профанный – текущее положение дел. Собственно, соединение исторического контекста, существующего как коллективное воспоминание о месте с восприятием его здесь и сейчас, можно назвать производством пространства [15].

Мы предполагаем, что пространственная маргинальность будет возникать в момент несогласованности или противоречий между двумя хронотопами, когда коллективная память и профанное входят в противоречие, из-за чего объект или пространство, в которое он вписан, будет отличаться от других локальностей, в которых такого противоречия наблюдаться не будет. Пространственная маргинальность будет возникать в тех местах, где "закономерная связь пространственно-временных координат" [37] будет нарушена, что, в свою очередь, будет приводить к искажению региональной идентичности [21] к возникновению разлома [35] между привычным городским порядком вещей и времени [3; 5; 10; 21; 23; 29; 40]. В этом смысле маргинальность пространства будет соответствовать характеристикам, выделенным классиками для маргинальности социальной.

Разрыв в "настоящем": визуальность Красноярского городского фронта

На первом этапе исследования мы расспрашивали жителей Красноярска о том, какие городские пространства кажутся им наиболее подходящими под определения "пограничный", "маргинальный", "быстро меняющийся". Многие респонденты упоминали районы малоэтажной застройки в вернакулярном центре и вблизи к нему. В частности, называли улицы Ленина, Карла Маркса, проспект Мира, улицы Ады Лебедевой, Вейнбаума, районы "частного сектора" – Николаевку и Покровку. Часть респондентов наделяет характерными чертами весь вернакулярный центр. Кто-то выделяет отдельные улицы и проспекты, например – Мира, Ленина, Декабристов, реже – отдельные здания. Упомянутые территории схожи в одном: они заняты малоэтажными деревянными домами, как советской, так и дореволюционной постройки. Любопытно, что те же территории часто попадают в городские медиа, в связи с теми или иными чрезвычайными происшествиями, которые можно назвать "быстрой изменчивостью": пожарами, городскими конфликтами, "войнами памяти", насильственным переселением и сносом домов [22; 28, с. 36].

"Маргинальные" территории, фигурирующие в интервью, почти не связаны с административным зональным делением города, чаще представляя собой "вернакулярные районы" [32]. Их границы могут быть определены рельефом, ярким контрастом между архитектурными стилями, субъективным ощущением выпадения из временной структуры города. Некоторые из них имеют четкие визуальные границы, отделяющие их от пространства главных улиц. Здесь может быть гораздо более густая растительность, деревянные заборы или установленные городской администрацией "звуковыми барьеры". В Красноярске серые металлические ограждения могут считаться одной из специфических черт "маргинальных" пространств: перед прошедшей в 2019 году универсиадой такими заборами обносили районы "частного сектора", в том числе – упомянутую выше "Николаевку" либо с целью скрыть малоэтажную жилую застройку от глаз гостей, либо чтобы оградить население от шума проезжающих мимо машин.

Типичным маргинальным пространством в пределах вернакулярного центра можно назвать деревянные одноэтажные жилые дома 20/1 и 22, расположенные на пр. Мира, одной из главных пешеходных зон, узла мобильностей и городской событийности [2, с. 36]. Дома находятся в центре квартала и окружены "домом семейных торжеств", почтой, полицией, жилыми пятиэтажными домами советской постройки. В непосредственной близости находится Благовещенская церковь (расположена на пересечении улиц Ленина и 9 января, замыкает квартал) и относящиеся к ней постройки.

Дом семейных торжеств является памятником архитектуры, который молодожены выбирают как подходящий событию праздничный антураж на свадебных фотографиях. Когда супруги спускаются с лестницы ЗАГСа, фотографы стараются снимать их так, чтобы дома 20 и 22 и прилегающий к ним двор либо не попадали в кадр, либо чтобы они были размытыми, так как визуально их обветшалые фасады контрастируют с дворцом бракосочетаний.

Здания воспринимаются углубленными в центр квартала, во дворы. Несмотря на то, что застройка в этом районе не слишком плотная, не имеет большого количества высоких преграждающих объектов (заборов, решеток и т.п.), здания расположены таким образом, что визуально они недоступны с главной улицы из-за сравнительно небольшой высоты и объемов. Чтобы обойти дома и рассмотреть их, нужно проникнуть вглубь дворов, немного отдалившись от центральной улицы. За обращенными к главной улице фасадами открывается локальный микромир – палисадники, заборы, теплицы, будки с собаками – при проникновении в который возникает ощущение вторжения в чужое пространство

Архитектурная среда здесь стилистически неоднородна, однако колористически она составляет целостный образ: здания ЗАГСа и Благовещенской церкви окрашены в бело-желтый цвет, переключаясь архитектурными элементами в конструкции (колонны, наличие купола, которые доминируют окружающей среде) и оформлением акцентных элементов, "хрущевки" также созвучны друг другу. Взаимодействие с окружающей средой показывает наложение нескольких временных пластов – старинные деревянные дома соседствуют с автостоянками, на ветхих крышах установлены спутниковые антенны, и т.п. Элементы современного города лишь усиливают контраст между старым деревом и новыми технологиями, кажется, что материальные предметы в пространстве существуют в разных фрагментах истории. Здесь иной вид проживания социального времени: трансформация, редукция исторического прошлого. Территория домов 20/1 и 22 воспринимается как контрастирующая с окружающим архитектурным ландшафтом не только по высоте и объемам, но и по своему типу. Образ этих построек отсылает к избе – типичному для русского народного зодчества постройке.

Дом № 20 – двухэтажный многоквартирный дом, типичный для соцгородов-новостроек, что в большом количестве возводились для рабочих. В доме № 22 несколько квартир, окна первого этажа практически на уровне земли. Его объемно-планировочная схема проста – соединение нескольких одинаковых объемов правильных геометрических форм. Для малоэтажной застройки дом довольно большой – напоминает скорее общественное сооружение, нежели жилое. Композиция статична, она состоит из кубовидных объемов, которые соединяются балконными пролетами и коридорами. Различается оформление уличных и дворового, входного, фасадов. Решение дворовых фасадов плоскостное – простейший архитектурный ритм создается за счет чередования оконных проемов и стен, благодаря чему им свойственна строгость облика.

Деревянный дом в своей конструктивно-планировочной основе, как было сказано выше, отсылает к традиционному крестьянскому жилищу. По конструкции деревянные избы просты, ясны, удобны: "элементы дома строились под прямым углом: вдоль и поперек стен, подчиняясь форме сруба и конструкции соединения дерева" [9, с. 49].

В начале прошлого века такие дома не выделялись из архитектурной панорамы города – они составляли большинство жилой застройки Красноярска (после прихода советской власти и последовавшей за ним разработки проектов по переустройству города проспект стал прирастать каменными домами средней этажности) [8]. Однако в современном состоянии, на фоне отреставрированной церкви и отремонтированного ЗАГСа, деревянные постройки,

выглядят инородными. При этом обе постройки и прилегающие к ним территории контрастируют с окружающей их архитектурной средой, но не друг с другом. Смотрятся потрепанно, но при этом сохраняют "лицо" благодаря четкости и ясности композиции, симметричности, кубовидности объемов.

Небольшие детали, фрагменты материальной составляющей данной локальности, контрастируют между собой. В домах разные окна – стеклянные и стеклопакеты, некоторые забраны решетками, некоторые открыты. Разобщенность оформления окон вкупе с обшарпанными стенами, обнажением нескольких слоев краски разных лет, вида балконов с сушащимся бельем создает ощущение девиантного пространства, несмотря на то, что фасады украшены вывесками вполне серьезных организаций – стоматологической клиники, общества слепых, почты, отделения полиции.

Вывески контрастируют с несколько архаичным обликом дома, несмотря на то, что они могут быть восприняты как отсылка к традиции размещения в старом городе на первых этажах торговых пространств [9, с. 65]. С другой стороны, многочисленные бумажные объявления о продаже вещей, о помощи наркоманам и алкоголикам, как нечто чужеродное не воспринимаются. Они, скорее, выглядят еще одним визуальным маркером маргинального пространства, которые можно встретить и в других городах [31].

Описываемая территория одновременно интегрирована и исключена из городского центра: символически, за счет вызываемых ее визуальностью ассоциаций, она скорее относится либо к советской слободе, либо к еще более отдаленному прошлому городского центра, когда большинство построек здесь были из дерева. С другой стороны, она физически находится в пределах вернакулярного центра. Возникает вопрос о причинах такого противоречия – почему именно здесь, в центре, подобные локальности воспринимаются как нечто несвойственное его пространственно-временной структуре? Возможным ответом на него может быть продвигаемый влиятельными группами образ центра современной, чистой, идеально упорядоченной территории, где нет места для теплиц, палисадников и старых деревянных фасадов. Центр – един и не терпит "чужеродных" вкраплений.

Другие маргинальные территории центра имеют те же визуальные маркеры, что и описанные выше двор и деревянные дома, окруженные каменными зданиями. Пространства носят следы локальных практик обустройства жителями: цветники, импровизированные детские площадки, сушилки для белья – все это выглядит нетипичным для центра города-миллионника, но вполне нормальное для "советской слободы". Маргинальные пространства парадоксально полны визуальных свидетельств обширных возможностей местных жителей по редактированию места и его маркированию как частного. Однако многочисленные упоминания в городских медиа о развораживающихся здесь городских конфликтах, вынужденных переселениях и застройке коммерческой недвижимостью, выверенными с транслируемым городскими политическими режимами образами "прошлого", говорят о легкости отчуждения этих возможностей.

Дворы воспринимаются жителями как часть частного пространства дома и находящиеся в нем квартиры, о чем они уведомляют гостей. Подобные территории могут быть скрыты от глаз случайных прохожих за заборами и старыми фасадами деревянных домов, внутренности – заросшие дворы, старинные почтовые ящики, теплицы – открываются в тот момент, когда начавшиеся процессы редевелопмента уничтожают часть ранее закрывавших территорию заборов или фасадов, выставляя на всеобщее обозрение частные пространства. Следы подобных вторжений можно наблюдать, например, на улице Декабристов в Красноярске, они приводят к устранению границ частного, позволяя даже случайному наблюдателю заглядывать в разоренные дома.

В иных районах, которые воспринимаются как часть вернакулярного центра, где деревянная застройка занимает большие пространства, напротив, преграды могут воздвигаться городскими властями, стремящимися скрыть маргинальную зону от посторонних глаз. Так, например, в период универсиады, частный сектор за пределами центра и не реставрированные дома в центре, скрывали под яркими баннерами. Скрытыми они остаются и по сей день, и если наблюдатель не имеет цели найти что-либо за каменными фасадами

парадной линии центральных улиц или не живет в одном из таких старых дворов, то вряд ли он когда-нибудь обратит на них внимание.

Свет полностью меняет восприятие фронтальных локальностей. Днем они выглядят как пространство, концентрирующие нетипичные для центра предметы и практики (вроде огородничества, водяных колонок, цветников, скотоводства). В ночное время из-за малого количества фонарей, черных пятен окон, изъянов фасадов, растительности, углубленности внутрь квартала создается субъективное чувство связанной с ним скрытой угрозы: многочисленные закрытые или заколоченные ставни окон, забытые двери, таблички и надписи, уведомляющие о злых собаках и частной собственности, порождают при входе в маргинальное пространство ощущение вторжения в "чужое" место.

В дневном свете благодаря материалу построек – дерево и светлый камень – визуальный облик гармоничен с окружающей средой. Зелень в палисадниках, небесно-голубые рамы наличников, теплая гамма краски стен вписывают постройку в пространство старого, давно ушедшего и более "зеленого" города, в более "природный" фон. Днем пространство кажется укрывным, тихим, приватным уголком частного посреди огромной перспективы публичного. Обилие предметов, характерных для города прошлого, старая застройка, дворы и цветники, в контрасте с находящимися в непосредственной близости новостройками и новыми практиками освоения территории, позволяют наблюдателю увидеть время, увидеть город как непрекращающийся процесс.

В центральных районах города визуальность маргинального пространства подчеркивается очевидной сменой "естественной" истории, комплекса существовавших десятилетиями практик и образов на искусственно созданную "историю, какой она должна быть". Программы редевелопмента предполагают не только замену фасадов, наличников, кровли, асфальтирование дворов, но и изменение функций пространства с жилой на коммерческую. На место памяти приходит искусственно созданная "история", которая с помощью косметического ремонта интегрируется в образ "городского центра, каким он должен быть" в представлении влиятельных групп [31].

В тот момент, когда строительные работы закончены, прежние жители изгнаны с территории и заселились новые, ситуация маргинальности, "пограничья", исчерпывает себя: прежнее состояние территории ликвидировано, и на ее месте возникло что-то новое. Формально и то, и другое состояние территории объединяет историко-бытийный хронотоп: оба могут считываться как "историческая застройка", подчеркивающая древность города, утверждающая его связь с прошлым. Хотя фактически перестроенные кварталы ничего общего кроме названий с прошлым уже не имеют. Носители памяти о прошлом либо вымерли, либо изгнаны, локальные пространственные практики уничтожены, здания перестроены.

Представляется, что неперменной частью облика маргинальных территории становится контраст между материальными объектами, относимыми к разным историческим периодам. Еще один контраст, рождающий представление о городской маргинальности – между объектами архитектурно-средового пространства и окружающей застройкой. Зонирование таких мест устроено или сложилось с течением времени и событий, происходящих в жизни города, таким образом, что визуально они нивелируются иной застройкой современными и старыми каменными домами, памятниками, инфраструктурой.

Перемещаясь всё дальше от центральных улиц, можно увидеть, как "скрытые" маргинальные пространства выходят наружу, составляя первую линию застройки вполне респектабельных, но уже не настолько "центральных" улиц. Здесь они уже не представляют контраста, их перестают сгнетаться и прятать за заборами и баннерами. Так, на улице Ады Лебедевой высотные новостройки соседствуют с грязными, погрузившимися в землю домами, покрытыми разноцветной рекламой, и такой пейзаж уже воспринимается как вполне закономерное воплощение города, но уже никак не его скрытая изнанка.

В романе Чайна Мьевиля "Город и город" говорится о двух городах-государствах, существующих в одной и той же точке пространства и времени. Постороннему наблюдателю может показаться, что город всего один, однако материальность, законы и социальные практики при ближайшем рассмотре-

нии принадлежат к разным городам, парадоксально находящимся в одном и том же месте, в разных реальностях. Местные жители верят, что рождаются в разных физических реальностях, которые, по воле случая, накладываются друг на друга, и эту веру поддерживают в них суровые репрессии и специальное искусство "не-видения" зданий и улиц, по общему согласию относящихся к городу-соседу. Избирательная вынужденная слепота, искусство "не-видеть" и делает возможным сосуществование двух разных пространств, которые посторонний различить не сможет.

Представляется, что образ как нельзя лучше подходит для описания городских маргинальных пространств. Эти территории существуют как живые следы более не существующих в коллективном воображении городов, как прошлое, миф, прорывающийся через ткань города современности. Конечно, запрета на их "обнаружение" нет, однако нельзя не заметить, что и в медийной повестке дня, и в интервью эти территории упоминаются как нечто неправильное, несоответствующее, временное. Возможно, именно в этом кроется причина того, что респонденты, отвечая на вопросы о том, где, по их мнению, можно встретить "городскую маргинальность", чаще всего упоминали центр. Центр воспринимается как витрина, "эталон" города "каким он должен быть", поэтому любое несоответствие образу здесь выглядит более контрастным, нежели в других территориях.

Заключение

Рассмотренные территории можно назвать естественным "местом памяти" [20]: визуальные контрасты и исторический контекст позволяют наблюдателю становится очевидцем того, как меняется город. Являясь воплощением изменчивости сами по себе, (старые, покосившиеся от времени фасады, ржавчина, практики, которые нетипичны для современного центра) они демонстрируют ее особенно ярко, контрастируя со следующими поколениями городских пространств, окружающих их со всех сторон. Они становятся спонтанными музеями, сохранившими фрагменты старой текстуры городов.

Время здесь воспринимается иначе, нежели в соседних кварталах. По каким-то причинам (например, из-за присвоения целым архитектурным комплексам статуса памятников архитектуры или из-за упрямства, платежеспособности и организованности местного сообщества, не желающего отдавать свои дома под снос) этих территорий не коснулись процессы, изменившие соседние локальности центра. Здесь остались предметы и практики, более характерные для городских окраин или для города прошлого. Любой посетитель, пробежав взглядом по фасадам и осколкам отживших укладов вроде старинных почтовых ящиков, может расширить образ города, придав ему, помимо пространственного, еще и временное измерение.

При этом места выбиваются из контекста городского центра, архитектурных ансамблей, пешеходных потоков, времени. Маргинальные территории воспринимаются не только как чужеродный "нормальной" пространственно-временной структуре города фрагмент за счет необычных для центра города архаизмов, но и как искажение самой идеи европейского города как территории безопасности и предсказуемости [11]. Предположительно, именно консервативность подобных территорий становится причиной того, что здесь разворачиваются городские конфликты. И социальная, и материальная структура данных территорий делает их более уязвимыми перед атаками городских влиятельных групп, которые видят здесь лишь ресурс – свободную землю. Редевелопментские программы обращаются в первую очередь именно к деревянным кварталам, что приводит к массовой и зачастую вынужденной миграции и снижению способности местного населения контролировать собственное будущее. Городские воротилы реализуют здесь свои проекты, пользуясь весьма сомнительными методами и молчалием администраций¹.

Визуально это проявляется в появлении в таких кварталах строительной техники, разрушающей устоявшуюся структуру пространства, брошенных домов, из которых покинувшие их жильцы даже не смогли вывезти мебель.

¹ См., например, историю городского конфликта вокруг сноса старинного "казачьего" квартала в Красноярске: URL: <https://prmira.ru/article/vsederzhateli-krasnoyarska-aleksandr-baranov-istoriya-pensionera-iz-sosen-kotoromu-ochen-mnogoe-dolz/>

Возможно, именно интерес городских политических режимов [14] к подобным территориям, обусловленный простотой реализации принятых в корпоративных интересах законодательных новелл [34], становится причиной частых упоминаний деревянных кварталов как "пограничной" зоны в СМИ.

Маргинальными становятся не только те места, где позиция влиятельных групп еще не реализована, фрагменты "естественной" городской истории не уничтожены полностью, которые не переработаны влиятельными группами в парадные места памяти. Аналогичная судьба ожидает те, что переработаны и интегрированы в образ "современного центра": общественность начинает оспаривать их "историчность", вновь исключая их из повседневности города. Маргинальные территории, возникающие на визуальном контрасте с "правильным" городом, не просто усиливают его пространственную и социальную гетерогенность. Фактически такие локальности создают временную перспективу городского ландшафта, совмещая пространственную, социальную и темпоральную переходность.

Литература

1. Абрамова С.В. Московская реновация: анализ российских СМИ" // Вестник Института социологии РАН. 2018. № 4(9). С. 156–169.
2. Ансимова И.М. Улицы Красноярска рассказывают... Красноярск: ПИК "Офсет", 2013. 276 с.
3. Багдасарова Я. Автоэтнография: исследователь в роли "антропологизируемого" // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Серия 12: Психология, социология, педагогика. № 2. С. 134–145.
4. Барабанов А.А. Чтение города: семиотика пространства. Екатеринбург: Архитектон, 1999. 687 с.
5. Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.
6. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
7. Беньямин В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма. СПб.: Симпозиум, 2004. 478 с.
8. Гевель Е. В. Образ города в Красноярском урочище. Красноярск: Версо, 2012. 224 с.
9. Горбачев В.Т. Архитектура сибирских городов XIX – начала XX века (опыт малоэтажного строительства). Санкт-Петербург: Коло, 2016. 152 с.
10. Готлиб А. С. Автоэтнография (разговор с самой собой в двух регистрах). (Часть I) // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2004. № 18. С. 5–16.
11. Дживелегов А.К. Средневековый город в Западной Европе. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902. 248 с.
12. Ибрагимов И.А. Системы ориентации в городском пространстве // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ. 2009. № 2. С. 48–51.
13. Капустин П.В. Знак и символ в архитектурном пространстве. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2008. 132 с.
14. Ледяев В.Г. Социология власти: теория городских политических режимов" // Социологический журнал. 2006. № ¾. С. 46–68.
15. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
16. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
17. Логунова Е.Н. Особенности формирования визуального образа крупного города (на примере Красноярска). [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.krasu.ru/handle/2311/7593> (дата обращения: 24.09.2019).
18. Медведев И.Р. Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.
19. Морозов И.В. Мир архитектуры в контексте гуманитарной культуры: Архитектурная герменевтика. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissertat.com/content/mir-arkhitektury-v-kontekste-gumanitarnoi-kultury-arkhitektur-germenevtika> (дата обращения: 28.09.2019).
20. Нора П. Франция – память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.
21. Панарина Д.С. Граница и фронт как фактор развития региона и/или страны. // История и современность. 2015. № 1 (21). С. 15–41.
22. Пузанов К.А. Территориальные границы городских сообществ // Социология власти. 2013. № 3. С. 27–37.
23. Рогозин Д.М. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. Т.14. № 1. С. 224–273.

24. Саймондс Дж. О. Ландшафт и архитектура. М.: Издательство литературы по строительству, 1965. 193 с.
25. Селиванова А.Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. М.: БуксМАрт, 2019 г. 320 с.
26. Склабан И.А., Серебрянникова О.А. Территориальная идентичность как фактор социального участия: поколенный контекст // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2. № 1 (19). С. 65–74.
27. Социально-экономическая география: понятия и термины / Отв.ред. А.П.Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
28. Степанова С.А. Динамика визуального образа города (на примере г. Хабаровска). [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/dinamika-vizualnogo-obraza-goroda-na-primere-g-khabarovska> (дата обращения: 10.09.2019).
29. Тёрнер Ф. Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
30. Тимошкин Д. Вас здесь больше не живет: внутренняя колонизация и городские политические режимы Иркутска и Красноярска в городских медиа. // Полития. 2020. №1 (96). С. 98–116.
31. Тимошкин Д., Григоричев К. "Не-место" вне времени: неопределенность как специфика существования локальностей постсоветского города (на примере Иркутска) // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 118–140.
32. Трофимов А., М. Шарьгин и Н. Исмагилов. "Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы" // Географический вестник. 2008. № 1. С. 5–12.
33. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства М.: Новое литературное обозрение. 2011. 520 с.
34. Трутнев Э.К. Вопросы технологии перевёртывания смыслов посредством псевдозаконодательства о градорегулировании. [Электронный ресурс] URL: <https://urban.hse.ru/mirror/pubs/share/357575454.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).
35. Уллоа И.К. Действуя в реальности внутри разлома Реального: об альтернативной агентности городских совместностей // Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка. М.: НЛЮ, 2020. С. 173–197.
36. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Высшая школа экономики, 2012. 336 с.
37. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
38. Федоров В.В. Архитектурный хронотоп в определении границ настоящего // Пространство и время. 2015. № 1. С. 151–155.
39. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: НЛЮ, 2018. 440 с.
40. Хромых А. С. Проблема "сибирского фронта" в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5 (106). С. 106–112.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abramova S.V. Moskovskaya renovatsiya: analiz rossijskikh SMI" // Vestnik Instituta sotsiologii RAN. 2018. № 4(9). S. 156–169.
2. Ansimova I.M. Ulitsy Krasnoyarska rasskazyvayut... Krasnoyarsk: PIK "Ofset", 2013. 276 s.
3. Bagdasarova Ya. Avtoehtnografiya: issledovatel' v roli "antropologiziruemogo" // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2008. Seriya 12: Psikhologiya, sotsiologiya, pedagogika. № 2. S. 134–145.
4. Barabanov A.A. Chtenie goroda: semiotika prostranstva. Ekaterinburg: Arkhitekton, 1999. 687 s.
5. Basalaeva I. P. Kriterii frontira: k postanovke problemy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. № 2. S. 46–49.
6. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. SPb.: Piter, 2008. 240 s.
7. Ben'yamin V. Sharl' Bodler. Poet v ehpokhu zrelogo kapitalizma. SPb.: Simpozium, 2004. 478 s.
8. Gevel' E. V. Obraz goroda v Krasnoyarskom urochishhe. Krasnoyarsk: Verso, 2012. 224 s.
9. Gorbachev V.T. Arkhitektura sibirskikh gorodov XIX – nachala XX veka (opyt malohtazhnogo stroitel'stva). Sankt-Peterburg: Kolo, 2016. 152 s.
10. Gotlib A. S. Avtoehtnografiya (razgovor s samoj soboj v dvukh registrakh). (Chast' I) // Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (4M). 2004. № 18. С. 5–16.
11. Dzhivelev A.K. Srednevekovyj gorod v Zapadnoj Evrope. SPb.: Brokgauz-Efron, 1902. 248 s.
12. Ibragimov I.A. Sistemy orientatsii v gorodskom prostranstve // Akademicheskij vestnik URALNIPROEKT. 2009. № 2. S. 48–51.

13. Kapustin P.V. Znak i simbol v arkhitekturnom prostranstve. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2008. 132 s.
14. Ledyayev V.G. Sotsiologiya vlasti: teoriya gorodskikh politicheskikh rezhimov" // Sotsiologicheskij zhurnal. 2006. № ¾. S. 46–68.
15. Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva. M.: Strelka Press, 2015. 432 s.
16. Lynch K. Obraz goroda. M.: Strojizdat, 1982. 328 s.
17. Logunova E.N. Osobennosti formirovaniya vizual'nogo obraza krupnogo goroda (na primere Krasnoyarska). [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://elib.krasu.ru/handle/2311/7593> (data obrashheniya: 24.09.2019).
18. Medvedev I.R. Razreshenie gorodskikh konfliktov. M.: Infotropik Media, 2017. 372 s.
19. Morozov I.V. Mir arkhitektury v kontekste gumanitarnoj kul'tury: Arkhitekturnaya germeneytika. [EHlektronnyj resurs] URL: <https://www.dissercat.com/content/mir-arkhitektury-v-kontekste-gumanitarnoi-kul'tury-arkhitektur-germeneytika> (data obrashheniya: 28.09.2019).
20. Nora P. Frantsiya – pamyat'. SPb.: Izd-vo Sankt–Peterburgskogo universiteta, 1999. 328 s.
21. Panarina D.S. Granitsa i frontir kak faktor razvitiya regiona i/ili strany. // Istoriya i sovremennost'. 2015. № 1 (21). S. 15–41.
22. Puzanov K.A. Territorial'nye granitsy gorodskikh soobshhestv // Sotsiologiya vlasti. 2013. № 3. S. 27–37.
23. Rogozin D.M. Kak rabotaet avtoehtnografiya? // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2015. T.14. № 1. S. 224–273.
24. Sajmonds Dzh. O. Landshaft i arkhitektura. M.: Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, 1965. 193 s.
25. Selivanova A.N. Postkonstruktivizm. Vlast' i arkhitektura v 1930-e gody v SSSR. M.: BuksMArt, 2019 g. 320 s.
26. Sklaban I.A., Serebryannikova O.A. Territorial'naya identichnost' kak faktor sotsial'nogo uchastiya: pokolennyj kontekst // Idei i idealy. 2014. T. 2. № 1 (19). S. 65–74.
27. Sotsial'no-ehkonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy / Otv.red. A.P.Gor'kin. Smolensk: Ojkumena, 2013. 328 s.
28. Stepanova S.A. Dinamika vizual'nogo obraza goroda (na primere g. Khabarovska). [EHlektronnyj resurs] URL: <https://www.dissercat.com/content/dinamika-vizualno-obraza-goroda-na-primere-g-khabarovska> (data obrashheniya: 10.09.2019).
29. Tyorner F. Frontir v amerikanskoj istorii. M.: Ves' mir, 2009. 304 s.
30. Timoshkin D. Vas zdes' bol'she ne zhivet: vnutrennyaya kolonizatsiya i gorodskie politicheskie rezhimy Irkutsk i Krasnoyarska v gorodskikh media. // Politiya. 2020. №1 (96). S. 98–116.
31. Timoshkin D., Grigorichev K. "Ne-mesto" vne vremeni: neopredelennost' kak spetsifika sushhestvovaniya lokal'nostej postsovetskogo goroda (na primere Irkutsk) // Antropologicheskij forum. 2018. № 39. S. 118–140.
32. Trofimov A., M. Sharygin i N. Ismagilov. "Territorial'naya identifikatsiya v geografii i vernakulyarnye rajony" // Geograficheskij vestnik. 2008. № 1. S. 5–12.
33. Trubina E.G. Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. 520 s.
34. Trutnev E.H.K. Voprosy tekhnologii perevyortyvaniya smyslov posredstvom psevdozakonodatel'stva o gradoregulirovanii. [EHlektronnyj resurs] URL: <https://urban.hse.ru/mirror/pubs/share/357575454.pdf> (data obrashheniya: 20.04.2020).
35. Ulloa I.K. Dejstvuya v real'nosti vnuti razloma Real'nogo: ob al'ternativnoj agentnosti gorodskikh sovmestnostej // Urban commons. Gorodskie soobshhestva za predelami gosudarstva i rynka. M.: NLO, 2020. S. 173–197.
36. Urri Dzh. Sotsiologiya za predelami obshhestv. Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya. M.: Vysshaya shkola ehkonomiki, 2012. 336 s.
37. Ukhtomskij A. A. Dominanta. SPb.: Piter, 2002. 448 s.
38. Fedorov V.V. Arkhitekturnyj khronotop v opredelenii granits nastoyashhego // Prostranstvo i vremya. 2015. № 1. S. 151–155.
39. KHarvi D. Sotsial'naya spravedlivost' i gorod. M.: NLO, 2018. 440 s.
40. KHaromykh A. S. Problema "sibirskogo frontira" v sovremennoj rossijskoj istoriografii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 5 (106). S. 106–112.

Тимошкин Д. О., Пчелкина Д. С. Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярска.

В статье анализируется визуальный облик городской пространственной маргинальности. Под этим понимаются территории, представленные в нарративах как выпадающие из города как целостной, определяемой мемориальными конвенциями семиотической системы. В фокусе исследования оказались локальности в центральных районах Красноярска, застроенные деревянными жилыми домами, остатками "советских слобод", памятниками архитектуры. Они нередко описываются как зоны городских конфликтов, "войн памяти", несоответствующие образу "современного города". Цель статьи: основываясь на результатах включенного наблюдения в "маргинальных" территориях Красноярска и интервью выделить визуальные элементы пространственной маргинальности. Исследование построено на методах визуальной антропологии, семиотическом анализе архитектуры.

Ключевые слова: образ города, пространственная маргинальность, семиотический анализ архитектуры, память

Timoshkin D. O., Pchelkina D. S. Vulnerable archaism: the visual nature of "frontier" urban spaces in Krasnoyarsk.

The article analyzes the visual image of the "frontier" localities of Krasnoyarsk. "Urban frontier" here refers to territories that, for various reasons, fall out of the overall urban spatial and temporal structure. This is either due to the rapid changes in the appearance and social landscape taking place here, or, on the contrary, due to the preservation of practices and architectural solutions typical of the distant past. These are mainly places in the central districts of the city that are built up with low-rise, wooden residential buildings: the remains of "Soviet settlements", localities occupied by architectural monuments. The purpose of the article is to analyze the visual appearance of the "frontier" territories of Krasnoyarsk, identifying markers that distinguish them from the context of the city center. It was supposed to consider the architectural and environmental space of the "urban frontier", highlighting the key elements that form its image. The research is based on the method of semiotic analysis of architecture, visual observation and semi-formalized mini-interviews with residents of Krasnoyarsk. The conceptual framework was "image of the city" by K. Lynch and "places of memory" by P. Nora.

Key words: city image, visual identity, frontier, semiotic analysis of architecture, memory

Для цитирования: Тимошкин Д. О., Пчелкина Д. С. Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярска // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 56–66. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/56-66

For citation: Timoshkin D. O., Pchelkina D. S. Vulnerable archaism: the visual nature of "frontier" urban spaces in Krasnoyarsk // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 56–66. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/56-66

